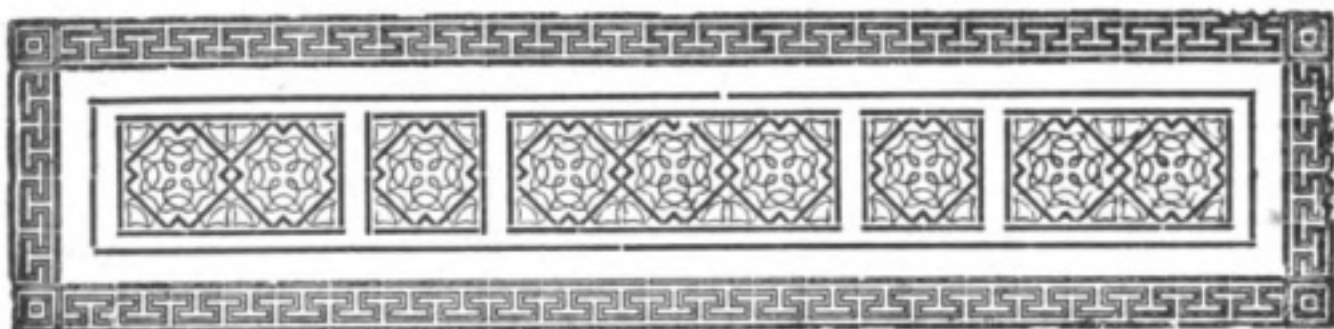

Встрѣча съ И. А. Гончаровымъ.

Въ 1881 г. я вмѣстѣ съ своими двумя сестрами проводила лѣто на Рижскомъ взморьѣ, въ Дуббельнѣ. Мы жили на Мариенбадской (теперь Гончаровской) улицѣ, на маленькой отдѣльной дачкѣ, недалеко отъ кургауза тогдашняго Aktienhaus, куда часто ходили по вечерамъ послушать хорошій берлинскій оркестръ, погулять по парку и по морскому берегу.

Во второй половинѣ іюня кто-то сказалъ намъ, что въ Дуббельнѣ живетъ и тоже часто бываетъ въ паркѣ Акціенгауза Иванъ Александровичъ Гончаровъ. Мы, конечно, загорѣлись желаніемъ увидѣть хоть издали знаменитаго писателя. Имя Гончарова было однимъ изъ нашихъ любимыхъ именъ въ литературѣ. Кто изъ нашего поколѣнія еще въ дѣтствѣ не зачитывался увлекательными страницами *Фрегата-Паллады*? А дальше шло знакомство съ *Обыкновенной Исторіей*, которая своимъ изображеніемъ побѣды житейской прозы надъ мечтами и иллюзіями молодости оставила въ юной душѣ такое раздумчиво-меланхолическое чувство, — затѣмъ съ печальной судьбой несноснаго, но все же милаго Ильи Ильича Обломова и со всѣмъ соннымъ бытомъ обломовщины. А наконецъ *Обрывъ*! Какъ манилъ онъ наше воображеніе еще на школьной скамьѣ! Подъ какимъ строгимъ интердиктомъ держали эту книгу институтскія власти! Когда же, при болѣе гуманныхъ и свободолюбивыхъ вѣяніяхъ, внесенныхъ въ институтскія стѣны новой инспекціей, она была разрѣшена, по крайней мѣрѣ для воспитанницъ выпускного класса, и стояла, доступная имъ, на полкахъ бібліотеки, то и тогда ее отнимала у читающихъ безпощадная начальническая

Встрѣча съ И. А. Гончаровымъ.

Въ 1881 г. я вмѣстѣ съ своими двумя сестрами проводила лѣто на Рижскомъ взморьѣ, въ Дуббельнѣ. Мы жили на Мариенбадской (теперь Гончаровской) улицѣ, на маленькой отдѣльной дачкѣ, недалеко отъ кургауза тогдашняго Aktienhaus, куда часто ходили по вечерамъ послушать хорошій берлинскій оркестръ, погулять по парку и по морскому берегу.

Во второй половинѣ іюня кто-то сказалъ намъ, что въ Дуббельнѣ живетъ и тоже часто бываетъ въ паркѣ Акціенгауза Иванъ Александровичъ Гончаровъ. Мы, конечно, загорѣлись желаніемъ увидѣть хоть издали знаменитаго писателя. Имя Гончарова было однимъ изъ нашихъ любимыхъ именъ въ литературѣ. Кто изъ нашего поколѣнія еще въ дѣтствѣ не зачитывался увлекательными страницами *Фрегата-Паллады*? А дальше шло знакомство съ *Обыкновенной Исторіей*, которая своимъ изображеніемъ побѣды житейской прозы надъ мечтами и иллюзіями молодости оставила въ юной душѣ такое раздумчиво-меланхолическое чувство, — затѣмъ съ печальной судьбой несноснаго, но все же милаго Ильи Ильича Обломова и со всѣмъ соннымъ бытомъ обломовщины. А наконецъ *Обрывъ*! Какъ манилъ онъ наше воображеніе еще на школьной скамьѣ! Подъ какимъ строгимъ интердиктомъ держали эту книгу институтскія власти! Когда же, при болѣе гуманныхъ и свободолюбивыхъ вѣяніяхъ, внесенныхъ въ институтскія стѣны новой инспекціей, она была разрѣшена, по крайней мѣрѣ для воспитанницъ выпускного класса, и стояла, доступная имъ, на полкахъ бібліотеки, то и тогда ее отнимала у читающихъ безпощадная начальническая

рука. Съ тѣмъ большимъ энтузіазмомъ глотали мы *Обрывъ* потомъ, на свободѣ!...

Марка Волохова намъ было трудно простить автору. Воспитанныя преимущественно на чтеніи англійскихъ романовъ съ ихъ добродѣтельными и корректными героями и совершенно далекия отъ реальной жизни, мы отнеслись къ этому образу съ полнымъ неприязни недоумѣніемъ. Фигура Райскаго, интересная и симпатичная, часто возбуждала, какъ это и должно было быть по замыслу романа, смѣшанную съ жалостью досаду. Но женскіе образы *Обрыва*, какое высокое художественное наслажденіе доставляли они и какъ дороги становились читателю! Несравненная бабушка Татьяна Марковна, восхитительная въ своей наивной прелести Марейнька, такъ напоминающая бѣлоснѣжный, душистый ландышъ, но еще болѣе Вѣра, вся обвѣянная такой чарующей и такой царственной красотой. Одинъ молодой человекъ изъ кружка нашихъ знакомыхъ, отличавшійся тонкимъ вкусомъ и ярко выраженнымъ литературнымъ дарованіемъ, каждый годъ, точно совершая какое-то священнодѣйствіе, перечитывалъ съизнова *Обрывъ* и называлъ это: ходить на свиданіе съ Вѣрой.

Мы стали всюду разыскивать И. А. Гончарова, но никакъ не могли найти лица, отвѣчающаго тому представленію, какое мы о немъ имѣли по знакомымъ намъ фотографіямъ его нѣсколько бюрократическаго типа. Потерявъ надежду встрѣтить писателя, мы рѣшили, что извѣстіе объ его пребываніи въ Дуббельнѣ есть не что иное, какъ ложный слухъ, и что Гончаровъ и не думалъ пріѣзжать на Рижскій шtrandъ.

Юнь подходилъ къ концу. 24-го въ залѣ Акціонгауза давался большой вечерній концертъ, на которомъ были и мы. По окончаніи его одинъ изъ нашихъ Дуббельнскихъ знакомыхъ быстро подошелъ къ намъ и съ оживленіемъ сказалъ: „Гончаровъ здѣсь и сидитъ на верандѣ, направо отъ входа“. Мы устремились туда.

Дѣйствительно, на указанномъ мѣстѣ сидѣлъ за столикомъ, рядомъ съ молодой еще дамой, невысокаго роста старичокъ, въ которомъ мы сразу узнали черты И. А. Гончарова.

Теплая волна читательской благодарности нахлынула на меня. Обыкновенно застѣнчивая, немного даже дикая, я, въ внезапномъ порывѣ, смѣло подошла къ Ивану Александровичу и отъ лица всѣхъ русскихъ женщинъ стала выражать ему восторженную признательность за дивныя художественныя произведенія, подаренныя имъ русской литературѣ, и въ особенности за плѣнительныя женскіе образы, созданныя его геніальной кистью.

При моемъ приближеніи Иванъ Александровичъ сейчасъ же

всталъ; легкая тѣнь неудовольствія скользнула по его лицу. Но когда онъ услышалъ мою безыскусственную рѣчь и искренніе звуки моего голоса, дрожавшаго отъ волненія, его прекрасный лобъ разгладился, и привѣтливо засіяли его большіе голубые глаза.

„Сударыня“, съ старомодной любезностью сказалъ онъ, когда я умолкла, „сегодня я именинникъ, и ваше привѣтствіе лучшей вѣнокъ, какой я могъ бы получить въ этотъ день“.

Онъ пожелалъ узнать, кто я, сказалъ нѣсколько милыхъ словъ и моимъ сестрамъ и познакомилъ насъ съ сидѣвшей возлѣ него дамой, его давнишней пріятельницей, москвичкой, какъ и мы. Узнавъ, что нашъ отецъ былъ профессоръ московскаго университета, онъ съ теплотой отозвался о своей *alma mater* и о Москвѣ, въ которой давно уже не бывалъ, съ сожалѣніемъ упомянулъ о томъ, что нездоровье помѣшало ему въ предъидущемъ году пріѣхать на Пушкинскія празднества, пріуроченныя къ открытію памятника поэту.

Мы откланялись Ивану Александровичу и, обласканныя его добрымъ взглядомъ, пошли домой, радостныя и умиленные вдвойнѣ, наслаждаясь теплымъ іюньскимъ вечеромъ и мягкимъ плескомъ волнъ о прибрежный песокъ. Не разъ послѣ этого встрѣчали мы И. А. Гончарова то въ паркѣ, во время музыки, то гуляя въ тихіе вечера на пляжъ, когда море свѣтилось нѣжными перламутровыми переливами, или пламенѣло, принимая въ свою глубь красный дискъ заходящаго солнца. И всегда И. А. узнавалъ насъ, и самъ вступалъ въ разговоръ съ нами.

Онъ любилъ Рижское взморье, часто проводилъ здѣсь лѣто и, перебивавъ на всевозможныхъ заграничныхъ морскихъ купаньяхъ, все-таки находилъ, что нигдѣ нѣтъ тянущагося на такое далекое пространство плажа, какъ здѣсь, такого мелкаго устланнаго тонкимъ пескомъ, дна, такой цѣлебной по своему составу воды. Нѣкоторую досаду возбуждали въ немъ здѣсь строгая регламентація дамскихъ и мужскихъ часовъ для купанья. Ему случалось иногда забыть, что въ такой-то часъ мужчинамъ запрещается ходить по берегу; онъ шелъ гулять, и вдругъ его прогонялъ грозный окрикъ: *Jetzt ist es Damenstunde!*

Иванъ Александровичъ видимо сторонился общества и искалъ уединенія, такъ что по большей части мы встрѣчали его одного. Иногда онъ прогуливался съ талантливымъ петербургскимъ педагогомъ Соколовымъ, занявшимъ впоследствии видный постъ въ министерствѣ народнаго просвѣщенія и рано умершимъ. Привѣтливо, какъ съ хорошей знакомой, раскланивался И. А. съ жившей это лѣто въ Дуббельнѣ извѣстной юристкой, А. М. Евреиновой, впо-

слѣдствіи основательницей и редакторомъ журнала „*Сѣверный Вѣстникъ*“. Но собесѣдниковъ, съ которыми онъ могъ бы, по-дружески, что называется, душу отвести, у Ивана Александровича какъ-будто не было, и онъ съ сожалѣніемъ вспоминалъ объ А. Ѳ. Кони, въ обществѣ котораго провелъ здѣсь же, въ Дуббельнѣ, предыдущее лѣто, и съ жаромъ говорилъ о мягкой деликатности и рѣдкой чуткости Анатолія Ѳедоровича.

Какъ и мы, Иванъ Александровичъ жилъ на отдѣльной дачѣ, съ тремя дѣтьми своего умершаго слуги, которыхъ всюду возилъ за собой, трогательно о нихъ заботясь. Старшей дѣвочкѣ было лѣтъ 11, младшей 9 или 8, мальчикъ былъ, кажется, еще меньше. Всѣ трое весело рѣзвились на кругу, въ компаніи другихъ дѣтей. Помню какъ сейчасъ тоненькія фигурки въ красныхъ платьицахъ и бѣлокурыя головки этихъ двухъ дѣвочекъ, особенно умильное личико младшей, когда старичекъ-писатель любовно шутилъ съ ней, называя ее въ видѣ ласки „лягушенкомъ“. Мать сиротъ жила при нихъ и прислуживала Ивану Александровичу. „Иногда мнѣ курочку изжарить“, сказалъ онъ какъ-то, выражая свое неудовольство нѣмецкой кухней.

Мы предлагали позаняться съ дѣтьми, но оказалось, что онъ самъ ежедневно занимается съ ними русскимъ языкомъ и ариѳметикой и читаетъ имъ Евангеліе, а музыкѣ дѣвочки ходили учиться къ м-ме Веденисовой, той дамѣ, съ которой мы его видѣли въ первый разъ. Съ удовольствіемъ, но безъ малѣйшаго слѣда тщеславія или кичливости рассказывалъ намъ Иванъ Александровичъ какъ въ Петербургѣ Высочайшія Особы балуютъ дѣтей, дарятъ имъ куклы и другія игрушки.

Какъ извѣстно, Гончаровъ далъ этимъ сиротамъ законченное образованіе, старшую дѣвочку помѣстилъ въ консерваторію и сдѣлалъ внослѣдствіи всѣхъ троихъ наслѣдниками своего состоянія.

О своихъ произведеніяхъ Иванъ Александровичъ говорилъ неохотно; мы это замѣтили и остерегались его спрашивать. Какъ разъ въ 1881 г. вышли въ свѣтъ его „*Четыре Очерка*“, въ послѣднемъ изъ которыхъ „*Лучше поздно чѣмъ никогда*“ онъ высказалъ о своей литературной дѣятельности все то, что желалъ и что находилъ нужнымъ сказать. И ничего почти новаго онъ къ этому и не добавилъ въ своихъ бесѣдахъ съ нами, но иногда какъ бы пересказывалъ отдѣльныя мѣста статьи, такъ напр. свой пріѣздъ на родину послѣ долголѣтняго отсутствія и нахлынувшей тогда на него потокъ дорогихъ воспоминаній. Съ тихой нѣжностью говорилъ онъ о своей матери, многими чертами которой воспользовался при изображеніи бабушки въ „*Обрывѣ*“, вызывалъ

предъ нами образъ своей старушки-няни, кроткаго, смиреннаго и самоотверженнаго существа, всю жизнь свою положившаго за другихъ, и съ грустью указывалъ на то, какъ много такихъ существованій проходитъ у насъ незамѣченными и неоцѣненными. Упомянулъ И. А. и о своей статьѣ о Бѣлинскомъ, о томъ, какъ она возникла изъ письма къ А. Н. Пыпину, говорилъ о своей горячей привязанности къ великому критику. Заходила рѣчь и о кругосвѣтномъ плаваніи И. А. на фрегатѣ „Паллада“, и здѣсь онъ болѣе всего оживлялся. Вообще же въ ту пору И. А. Гончаровъ (ему было въ то время 69 лѣтъ) производилъ такое впечатлѣніе, точно онъ навсегда отошелъ отъ писательской дѣятельности. Любимое чтеніе его составляли описанія путешествій, и намъ онъ тоже совѣтовалъ читать побольше подобныхъ книгъ. Стиховъ, по его словамъ, онъ совсѣмъ не читалъ послѣдніе годы и вообще мало интересовался новѣйшими писателями и поэтами. Говоря это, не уступалъ ли онъ, можетъ быть, лишь внушенному такой душевной деликатностью желанію уклониться отъ необходимости выражать передъ собесѣдниками свое мнѣніе о тѣхъ или другихъ дѣятеляхъ новѣйшей изящной литературы?

Изъ своихъ современниковъ онъ болѣе всего восхищался могучимъ талантомъ Писемскаго, хотя и сожалѣлъ о недостаточной художественности его формы, и особенно горячими похвалами осыпалъ его „Плотничью артель“. У Достоевскаго выдвигалъ на первый планъ „Записки изъ мертваго дома“.

Старшая моя сестра жаловалась иногда Ивану Александровичу на нѣсколько пугавшую се во мнѣ склонность къ энтузіазму и чрезмѣрный, по ея мнѣнію, культъ героевъ „Jetez de l'eau froide, jetez del'eau froide, какъ говорятъ французы“, шутливо отвѣчалъ онъ на это.

„Писатели,—писатели такіе же люди, какъ и всѣ,—такъ и надо смотрѣть на нихъ“, сказалъ онъ какъ-то въ другой разъ. „Ну, Тургеневъ другое дѣло,—у него ужъ такая фигура! А вотъ меня такъ очень часто принимали за голландскаго купца ¹⁾!“

Но уже совсѣмъ другой тонъ, тонъ благоговѣнія слышался въ его голосѣ, когда онъ говорилъ о Пушкинѣ, котораго считалъ своимъ учителемъ. И. А. рассказывалъ, какъ юношей онъ видѣлъ однажды великаго поэта въ церкви; Пушкинъ стоялъ прислонившись къ ко-

¹⁾ „Постнымъ масломъ пахнетъ“, замѣчалъ иногда И. А. Гончаровъ, когда ему приходилось выслушивать черезчуръ восторженные, какъ ему казалось, отзывы о его произведеніяхъ.

лоннѣ, задумчивый, сосредоточенный. Другой разъ онъ встрѣтилъ его въ книжномъ магазинѣ.

И. А. Гончаровъ былъ искренно и глубоко религіозенъ. Помню съ какой задушевностью передавалъ онъ намъ содержаніе своей бесѣды съ священникомъ православной церкви въ Дуббельнѣ (своимъ внѣшнимъ обликомъ напоминавшимъ Николая чудотворца, какъ его обыкновенно изображаютъ) на тему одной изъ его проповѣдей.

Музыку Иванъ Александровичъ слушалъ съ удовольствіемъ, но не всякую. Сладкіе звуки Россини легко и свободно вливались въ его душу, нѣжа и лаская ее. Но музыка болѣе серьезнаго, трагическаго, такъ сказать, характера въ эти годы уже утомляла, порой даже раздражала его нервы.

Чуть не съ отчаяніемъ говорилъ онъ о петербургскихъ квартирахъ, гдѣ нѣтъ возможности спастись отъ фортепіанныхъ упражненій консерваторокъ. Что было бы съ нимъ теперь въ эпоху царства граммофоновъ!

Иногда въ разговорѣ съ нами И. А. переносился мыслью къ своей жизни за границей, особенно въ Парижѣ, къ парижскимъ театрамъ со всѣмъ ихъ своеобразнымъ строемъ, съ продажей апельсиновъ и мороженаго въ антрактахъ, съ нарядными и учтивыми уврѣзами.

Некультурность русской жизни сравнительно съ заграничной глубоко огорчала его. „У насъ не посторонятся передъ женщиной, находящейся въ почтенномъ положеніи“, говорилъ онъ, „предъ женщиной, которой въ древнемъ Римѣ именно это положеніе давало право на особенное вниманіе и почетъ. У насъ ребенка, который упалъ и плачетъ, не поторопятся поднять“.

Несмотря на нѣкоторую замкнутость натуры И. А. Гончарова, на его способность съезживаться и прятаться отъ взоровъ, казавшихся ему любопытными и назойливыми, на его несомнѣнное родство съ *poli me tangere* въ растительномъ мірѣ, чѣмъ-то удивительно мягкимъ и благожелательнымъ вѣяло отъ всего его существа.

Помню, услыхавъ какъ-то въ разговорѣ, что мы были наканунѣ на вечерѣ въ Акціонгаузѣ, онъ спросилъ: „И молодые люди были съ вами любезны?“ Простыя слова, но ихъ милая, отеческая интонація до сихъ поръ звучитъ въ моихъ ушахъ.

Не могу, съ другой стороны, вспомнить безъ улыбки одинъ маленькій инцидентъ, очень характерный для Ивана Александровича. Къ нашей компаніи нерѣдко присоединялась одна молодая дама изъ Маіоренгофа. Мы познакомились съ ней случайно, въ дорогѣ. Съ очень эффектной наружностью, высокая и стройная, она, отчасти вслѣдствіе своего полунѣмецкаго происхожденія, отчасти какъ провинціалка, была нѣсколько эксцентрична въ своихъ туалетахъ и

немножко жеманна и манерна. Однажды мы сидѣли въ паркѣ съ И. А., слушая музыку; съ нами была и эта дама, сидѣвшая немного поодаль. Вдругъ, въ антрактѣ, изящно перегнувшись къ писателю, она громко спрашиваетъ его: „Monsieur Гончаровъ, вы женаты?“ Надо было видѣть, какой испугъ отразился на лицѣ милаго старичка! Онъ поднялъ обѣ руки и, какъ-бы отмахиваясь отъ какого-то страшнаго призрака, энергично запротестовалъ: „Нѣтъ, нѣтъ! Никого! Никогда!“

Кромѣ матери, И. А. въ бесѣдахъ съ нами никогда не касался никого и ничего, имѣвшаго отношенія къ его личной жизни.

Между тѣмъ лѣто проходило. Весело справили въ Акціонгаузѣ ежегодный праздникъ рижскаго пѣвческаго общества *Баянъ*—съ подписнымъ обѣдомъ, пѣніемъ и застольными рѣчами. Гончаровъ не присутствовалъ на этомъ торжествѣ. Вскорѣ послѣ того мы узнали, что онъ уже назначилъ день для отъѣзда своего пароходомъ въ Петербургъ, но собирается уѣхать украдкой, чтобъ избѣжать всякихъ проводовъ. Наканунѣ назначеннаго имъ дня (это было въ концѣ іюля) я, съ записной книжкой въ рукахъ, подкараулила его при выходѣ его послѣ обѣда изъ кургауза, чтобъ проститься съ нимъ и попросить его написать въ моей книжкѣ свое имя. Размашистымъ почеркомъ, заполнивъ всю страничку, онъ написалъ нѣсколько любезныхъ словъ, прося при воспоминаніи Дуббеляна вспоминать немного и о немъ.—Здѣсь я видѣла его въ послѣдній разъ.

Къ Новому Году я послала ему въ Петербургъ поздравительное письмо, при чемъ рѣшилась попросить у него на память его фотографическую карточку. Письмо я адресовала въ редакцію „Вѣстника Европы“. Вскорѣ пришелъ отвѣтъ отъ И. А. Гончарова, помѣченный 8-мъ января 1882 г., и съ указаніемъ его адреса: Моховая, домъ № 3.

И. А. выражалъ сожалѣніе, что не можетъ исполнить моей просьбы и прислать мнѣ свой портретъ: у него остались только бракованные экземпляры, которые онъ намѣревался уничтожить. Въ ожиданіи же того времени, когда онъ соберется пойти сняться къ фотографу, онъ посылалъ мнѣ свою визитную карточку съ фотографіей въ миниатюрѣ, сдѣланную когда-то въ Парижѣ и случайно уцѣлѣвшую въ его портфель въ одномъ экземплярѣ. Очень тронутый по его словамъ, моимъ вниманіемъ, И. А. и меня просилъ принять его искреннія поздравленія съ Новымъ Годомъ и изъ всѣхъ своихъ желаній мнѣ всякаго блага выбиралъ и посылалъ мнѣ самое лучшее, по его мнѣнію, желаніе: чтобъ я и мои сестры нашли „прекрасныхъ, достойныхъ насъ мужей“.

Должна признаться, что это главное пожеланіе Ивана Александровича, которое онъ высказывалъ намъ и раньше, въ Дубельнѣ, далеко не польстило мнѣ тогда и показалось даже узкобуржуазнымъ. Не о томъ тогда мечталось, совсѣмъ не то носилось въ воображеніи. Но теперь, черезъ 30 лѣтъ, перечитывая эти пожелтѣвшія отъ времени строки, начертанныя старческой рукой, я нахожу такъ понятнымъ, что И. А. Гончаровъ, такъ хорошо знавшій жизнь съ ея подводными камнями и обрывами и самъ, въ своемъ одинокомъ существованіи, лишенный семейнаго тепла и уюта, именно счастливый бракъ считалъ самымъ надежнымъ оплотомъ противъ холода, царящаго въ пустынѣ міра, и противъ всякихъ грозъ и бурь океана жизни. Недаромъ заставляеть онъ въ своемъ романѣ бабушку Татьяну Марковну отдать Вѣру подъ защиту простого, но такого хорошаго и честнаго человѣка, какъ Тушинъ.

Я, конечно, поспѣшила выразить Ивану Александровичу свою горячую благодарность за письмо и карточку, но кажется именно въ этотъ разъ имѣла неосторожность упомянуть о проскользнувшихъ въ широкую публику слухахъ, будто онъ пишетъ новый большой романъ, и о нашихъ радостныхъ ожиданіяхъ. Боюсь, что это произвело непріятное впечатлѣніе на И. А. Гончарова, такъ тщательно оберегавшаго отъ постороннихъ свои литературные планы. Новаго романа мы такъ и не дождались. По газетнымъ извѣстіямъ и по частнымъ свѣдѣніямъ, у Ивана Александровича въ это время уже начала развиваться болѣзнь глазъ, грозившая ему полной потерей зрѣнія, и вообще здоровье его все болѣе и болѣе разстраивалось. Лишь въ самомъ концѣ 80-хъ годовъ появился въ „Нивѣ“ рядъ его высоко-художественныхъ, проникнутыхъ мягкимъ юморомъ очерковъ подъ общимъ заглавіемъ „Слуги“. Вскорѣ послѣ того, въ „Вѣстникъ Европы“ мы прочли „Нарушеніе воли“.

Подъ впечатлѣніемъ изложеннаго здѣсь завѣщанія И. А. Гончарова долго не рѣшалась я занести на бумагу свои воспоминанія о немъ. Но появившіяся за послѣднее время въ печати нѣкоторыя статьи, рисующія его холоднымъ, черствымъ эгоистомъ, разсѣяли мои колебанія.

По всей вѣроятности эти бѣглыя замѣтки покажутся читателямъ блѣдными и неинтересными, но мнѣ думается, что онѣ все-таки могутъ внести лишній штрихъ въ характеристику И. А. Гончарова и, можетъ быть, окажутся не совсѣмъ бесполезными для его биографовъ.

Въ печальные для меня годы, наступившіе вскорѣ послѣ моей встрѣчи съ знаменитымъ писателемъ,—годы тяжелаго недуга, горь-

кихъ сомнѣній и разочарованій,—воспоминаніе объ его свѣтлой и глубоко-гуманной личности поддерживало и нравственно укрѣпляло меня, и это чувство вылилось въ неудачномъ по формѣ, но искреннемъ стихотвореніи къ нему, какъ къ учителю родной страны, своей великой душой провидѣвшему ея пробужденіе. Тогда я этого стихотворенія не послала. Но спустя нѣсколько лѣтъ, когда я достигла нѣкотораго душевнаго равновѣсія, принявъ страданіе и найдя скромный, но доступный для себя трудъ, я написала Ивану Александровичу о томъ, что мнѣ пришлось пережить за эти годы, и вложила въ конвертъ стихи. Получилъ ли онъ мое письмо, прочелъ ли его, не знаю. Это было, кажется, года за два до его кончины.

.
Я сказала въ началѣ своихъ воспоминаній, что трудно было простить Гончарову Марка Волохова съ точки зрѣнія неопытныхъ институтокъ. Еще сильнѣй и по гораздо болѣе глубокимъ причинамъ негодовали за этотъ образъ на автора болѣе зрѣлые люди среди современниковъ Гончарова и ближайшихъ къ нему поколѣній.

Но творецъ *Обломова и Обрыва* былъ и остается не только живымъ и яркимъ бытописателемъ своей страны, въ извѣстныхъ эпохи ея жизни, но сильнымъ художникомъ и тонкимъ психологомъ. Съ теченіемъ времени то, что оскорбляло и больно задѣвало многихъ изъ насъ въ образѣ Марка Волохова, сгладится и забудется, а непріятно поражающее и коробившее насъ увлеченіе Вѣры этой грубой фигурой явится, можетъ быть, для будущихъ читателей лишь мастерскимъ воплощеніемъ той жизненной загадки, которая вѣками не находитъ себѣ разрѣшенія, и которую въ такихъ неувыдаемыхъ чертахъ изобразилъ Шекспиръ въ шуткѣ Оберона надъ Титаніей.

В. Спасская.

